

«Гобсек»

НОВЫЙ ФИЛЬМ
КИНОСТУДИИ «РОТ-ФРОНТ»

Небольшая, но замечательная по яркости и глубине выведенных в ней социальных типов и характеров новелла Бальзака «Гобсек» принадлежит к числу его первоклассных произведений, рисующих хищнический рост финансовой буржуазии и ее торжество над аристократией, над родовитым и разоряющимся дворянством. Рядом с такими замечательными образами, как отец Горю или старик Гранде, находится и образ Гобсека — этого полководца и повелителя шести- и семизначных цифр, необузданного стяжателя, ростовщика, наделенного страшной хваткой денежного диктатора, готовящегося зажать в клещи своих лап горло Парижа, Франции, всего мира.

«Ни в чем нет отказа тому, кто затягивает и развязывает денежный мешок», — так формулирует свои «принципы» Гобсек у Бальзака. И добавляет: «Золото — это философия духа ваших управляющих жизнью классов». Не о нем ли или о его сынах с таким пафосом писал крупнейший бельгийский поэт Верхарн:

Толпа его кланет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердце пожар упорный,
Сжигает души всех, его ж душа — пуста.
...Над горами счетов весь погруженный
в думы,

Решает судьбы царств и участь королей...

Деньги — вот пароль того общества, над которым властвует Гобсек. Золото — вот лозунг и идеал, к которому оно стремится всеми явными своими поступками и всеми тайными своими помыслами.

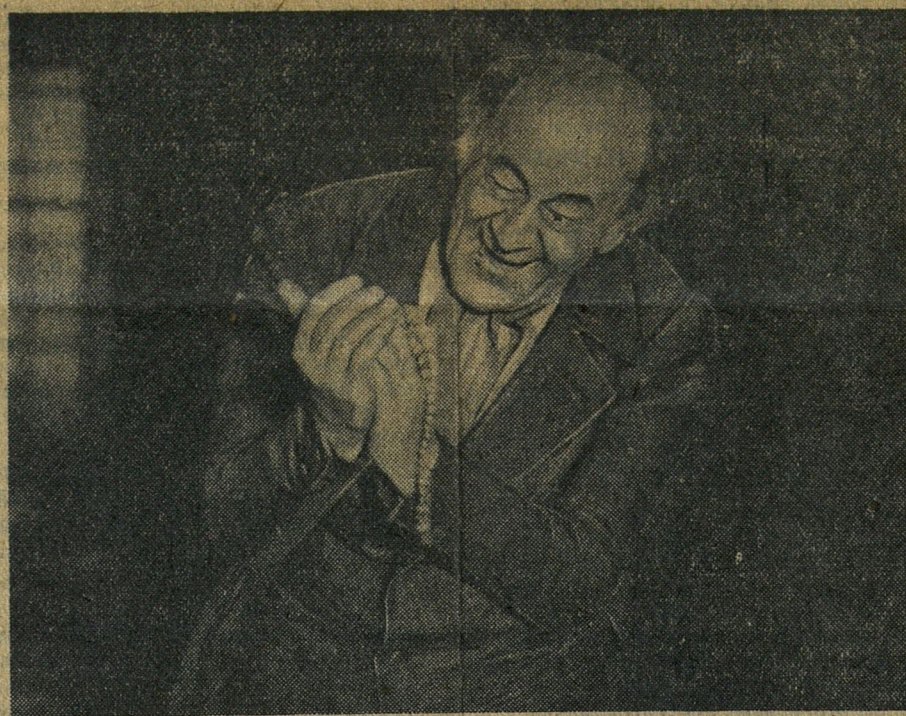
Энгельс в письме к писательнице Гаркнесс указывал, что Бальзак «описывает, как последние остатки этого образного

для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки, или были развращены им; как грандам, супружеские измены которой были лишь способом отстоять себя, вполне отвечавшим тому положению, которое ей было отведено в браке, уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа для денег или нарядов».

В этом — тема Гобсека. Подчеркивая далее, что симпатии Бальзака были на стороне дворянства, на стороне аристократии, осужденной на умирание, Энгельс подчеркивает: «При всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует».

Режиссер К. Эггерт не сумел передать в фильме этой иронии, этой сатиричности Бальзака. И от этого, разумеется, фильм многое потерял.

Но, может быть, режиссер передал в фильме драматизм событий? Может быть, в фильме показана западня, куда по воле истории попадает и где гибнет аристократия, ослепленная гобсекской «денежной кислотой» (выражение Бальзака)? Этого в фильме тоже нет. Сценарий, сделанный рабски по тексту Бальзака, необычайно

Народный артист Союза ССР Л. М. ЛЕОНИДОВ в роли Гобсека.

Колос правды. — 1937. — 16 мая

члочковат, дробен, разбит на отдельные эпизоды. Нет нарастания действия, нет сквозной интриги. За исключением народного артиста СССР Леонидова, актеры играют бледно, не передавая всей глубины и философичности бальзаковских характеров.

Леонидов в центральной роли Гобсека создает по-своему яркий, запоминающийся образ, продуманный в целом и отшлифованный в деталях. Но, как нам кажется, образ этот режиссером, а следовательно, и актером трактуется не совсем верно. Гобсек в исполнении Леонидова — это какое-то соединение гоголевского Плюшкина с пушкинским Скупым рыцарем. Разумеется, и в рамках своей трактовки Леонидов показывает выдающееся мастерство психологической разработки образа. Его герой — весьма многогранен, показан с разных сторон, нередко четок, как бы изваян резцом скульптора. И все же основная идея этой трактовки далеко не вполне отвечает замыслу Бальзака.

«Если бы король был моим должником, — заявляет Гобсек у Бальзака, — и не заплатил бы мне во-время, я бы описал его еще скорее, чем всякого другого». Это — не фраза, это — целая программа действий. Но Гобсек в исполнении Леонидова не может произнести такой фразы. В нем нехватает

сознания собственной мощи и, так сказать, некоронованного величия.

В исполнении Леонидова Гобсек скорее владелец лавки древностей, какой-то ростовщик огромного размаха, но не властелин, не крупный хищник, не философствующий циник-делец, который, как это ясно указано у Бальзака, простирает свои щупальцы даже в Южную Америку и имеет отношение ко всем событиям американской войны за независимость.

Здесь уместно будет привести одно место из первого тома «Капитала» Маркса, как бы дающего ключ к правильной трактовке образа Гобсека. В отделе, посвященном процессу накопления капитала, Маркс, между прочим, называет «накопление товаров в смысле образования сокровищ — совершенной глупостью». И добавляет в примечании: «У Бальзака, который так основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисует уже **впавшим в детство** (подчеркнуто нами. — Б. Р.) в тот период, когда он начинает собирать сокровище из накопленных товаров». Между тем в трактовке Эггерта и Леонидова Гобсек одержим этой страстью «накопления товара», этой страстью Плюшкина или Скупого рыцаря, на протяжении всего фильма. И даже конец фильма режиссерски сделан, как некий «апофеоз накопленного товара». Все это лишает образ Гобсека необходимой динамичности и как-то сужает идею и масштабы всего фильма.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что в фильме даны маски бальзаковских персонажей, но не вскрыта идея, заключенная в каждом из них (за исключением все же образа, созданного Леонидовым). Между тем перенос на экран богатейшего творческого наследия Бальзака является насущной и благодарнейшей задачей. Надо лишь более глубоко подходить к ее разрешению, творчески воссоздавая Бальзака на экране, а не механически дробя его на кинокадры.

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ.

16.05.37
Леонидов Л.М.